

ПОТЕРИ ЛЕСОВ И ЛИЦ

Редакция японского еженедельника «Кагу Синбун» («Мебельные новости») отметила, что ушедший год стал первым, когда под давлением общественности объём предложений нелегальной древесины на азиатском рынке пошёл на убыль и мебельщики региона смогли вздохнуть с некоторым облегчением, не опасаясь более исков от международных природоохранительных организаций.

В азиатском регионе это, возможно, и так, но российским публикациям, подтверждающим рост незаконных лесных рубок, по-прежнему несть числа. Тут можно вспомнить и продолжающуюся экспансию в сибирские регионы той самой малайзийской группы «Римбунан Хиджау», за которой у «Гринпис» утвердилась мрачная слава «Международного хищника, совмещающего истребление лесов с политическим патронажем», и хронику злоключений кругляка, чей экспорт в Финляндию приносит нам вместо прибыли миллионные убытки, и наблюдения удивлённой Счётной палаты: «Для России наибольшей проблемой в приграничных районах представляет незаконный экспорт древесины, большая часть которого идет в Казахстан. При этом, как ни странно, не возбуждено ни одного уголовного дела».

Что же тут странного? Уголовные дела несомнестимы с системой открытого попустительства преступникам. Вот, например, глава Минприроды Ю. Трутнев горюет, что «Территория России очень велика, невозможно поставить лесника возле каждого дерева». Но едва компания «Илим-палп» ввела на арендованном участке свою корпоративную полицию, как её сотрудники задержали 226 человек, незаконно рубивших лес, – почти четверть тысячи! А сколько таких «бригад» там, где никто им не противодействует?

Успешный опыт корпоративной охраны лесов следовало бы дополнить опытом корпоративных таможен. Ибо работу государственной таможни увенчала под конец года исчерпывающая оценка премьера Фрадкова: «Криминал настолько врос в таможенные органы и систему регулирования, что мы теряем возможность увидеть, кого и зачем надо поддерживать, и надо ли это делать вообще».

Глава Минэкономразвития Греф паниковать не склонен. Для него корень зла привычен: что можно при такой зарплате спросить с человека, мимо которого проходят грузы большой стоимости? Министерская логика нашла у Фрадкова понимание, и с 2006 года оклады таможни было решено резко увеличить.

Но разве грузы большой стоимости идут мимо одних только таможенников? Штурман может посадить на мель контейнеровоз – удвоим оклады штурманам? Сварщику ничего не стоит сжечь дотла целый мебельный склад – утроим зарплату сварщиков? А уж на двороников, которые способны гостеприимно распахнуть городские подвалы перед мешками с гексогеном, вообще никаких де-

нег не жалко. Вот только хватит ли щедрости Грефа на всех, кто склонен соизмерять свою зарплату со стоимостью чужих грузов? И после какой конкретно цифры, проставленной в зарплатной ведомости, воровской менталитет волшебным образом меняется на образ мысли честного человека?

В Китае, достижения которого восхищают сегодня весь мир, над такими вопросами голов не ломают. Факт воровства рассматривается там не в плоскости личной зарплаты, а исключительно в плоскости личной ответственности. Взятчиков и за Амуром хватает, но вот фраза «При этом не возбуждено ни одного уголовного дела» показалась бы китайцам совершеннейшей фантастикой. А нам, в свою очередь, фантастикой показалось бы число тамошних уголовных дел.

В истекшем году самым громким из таких дел стал процесс бывшего коллеги нашего министра Трутнева – главы Минприроды КНР Тянь Фэншаня, попавшегося на взятках в 500 тысяч долларов. Теперь Тяню придётся жить за решёткой. Его имущество конфисковано. Величиной зарплате подсудимого на процессе не интересовались. Мотивировка пожизненного срока была сформулирована судом лаконично: «Ответчик Тянь Фэншань использовал своё положение, чтобы получать прибыль, в то время как служил государству».

До Тяня за взяточничество был приговорён к смертной казни вице-спикер парламента Чэн Кэйцзе. Обвинённый в коррупции мэр Харбина Чжу Шэнвэнь выбросился из окна. Всего же за последние три года на тюремных нарах очутилось свыше 50.000 чиновников разных рангов и ведомств – это не считая десятков казнённых и ещё тысячи человек, покончивших с собой до ареста.

Высокий процент самоубийств объясняется тем, что для китайца самым страшным испокон веку была не тюрьма, а публичная потеря лица. Со времён Конфуция человек, подозреваемый в краже пары медяков у соседа, должен был тут же либо доказать свою невиновность, либо навсегда покинуть общину с несмываемым клеймом вора. Ни опиумные войны, ни японское вторжение, ни культурная революция не смогли уничтожить эту древнюю традицию. Сегодня она даёт президенту Ху Цзиньтао мощную общественную поддержку для убеждения бюрократии в том, что кражи любой государственной собственности ведут к неизбежной потере лица.

Отечественная практика убеждает нашу безликую бюрократию в обратном: кражи ведут к неизбежному росту её зарплат. Последствия такой практики для лесов легко предсказуемы. Да и только ли для лесов?

Рис. Д. Непомнящего